

Вандор
Хельга

Регина

книга 1

Узоры жизни

тайны мистика фантастика

18+

Вандор Хельга Регина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57128618

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-95178-5

Аннотация

Что за удивительные создания природы – камни? Какие тайны скрываются в них? Отчего мимо одних валунов люди равнодушно проходят мимо, а у других просят помощи? И так ли уж наивны представления древних о живой силе природы? В жизни саамской девушки Регинлейв будет происходить множество необъяснимых явлений, прежде чем она узнает, что в неё вселилась душа нойды Регины – Жрицы Высоких людей Севера. И только, представ перед Священной Матерью Земли, она вспомнит о безрассудной любви к Текебею, о трагической судьбе названной сестры, алтайской принцессы Ак-Кыдын, и о своей незавидной роли...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	31
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Вандор Хельга Регина

Глава 1

Когда утверждают, что мы, нойды – северные шаманы – уходим в сейд-камень, это не совсем так. Сейдом может быть и холм, и озеро, и даже карсикко – ель, посаженная членом какой-либо семьи в честь определенного события. Вот в них-то и уходят наши души. Причем, погребение тела может быть где-то неподалеку, и вовсе необязательно – под Летящим Камнем или под карсикко.

Что же касается меня, то я, нойда Регина, наследница Высоких Людей, Хранительница земли Сапми, перешла в совсем небольшой камень. Так повелела Равдна, Священная Мать Земли, и нойд Торберг провел для этого необходимый обряд. Он был моим давним другом, нойд Торберг. Когда я впервые увидела его двенадцатилетней девочкой, он уже был взрослым мужчиной лет сорока.

В то время я с родителями жила на хуторе, неподалеку от мызы господина Ульриха Стуре. Наша изба стояла под самым лесом. Дальше, возле самой реки, находилась наша баня. А за баней росла карсикко – ель, которую посадил отец в день моего рождения.

Отца я помню мало, он почти все время проводил далеко от дома, в лесах – охотился. Свои трофеи он отдавал господину Стуре, получая взамен продукты и всякие нужные в хозяйстве вещи, а также поношенные одежды – для себя и для моей мамы. А уж для меня мама сама перешивала некоторые свои платья. Ещё она шила разные вещи из звериных шкур, которые приносил отец.

Семья господина Стуре состояла из его жены Анетты и сына Вейо – моего ровесника. Его родители не одобряли встреч своего сына с девочкой из бедной семьи, хотя и не наказывали его, когда им становилось известно о наших играх. Иногда я видела их издали, когда шла к своей карсикко. Они всегда были наряжены в красивые городские одежды.

Я развешивала на пушистых ветвях-лапах карсикко разноцветные ленточки, которые делала из остатков тканей. А те ленточки, которые приходили в негодность от непогоды – убирала. Моя карсикко всегда очень ждала новых нарядов, и мы с ней вместе радовались им.

Прежде, когда мне было годика три, ко мне часто присоединялся веселый человечек Болдр. В то время мы были с ним одного роста, но, несомненно, Болдр был старше. Он утверждал, что живет в подземном дворце и является там принцем, но так ли это было на самом деле, я не знала. Я никогда не видела ни откуда он приходил, ни куда уходил. Но, безусловно, его наряды, украшенные разными самоцветами, были необычайно красивы.

Однажды я рассказала о нем матери, но она мне не поверила и сказала, что я сказочница. Больше я о нем никому не говорила. Во-первых, сам Болдр очень не хотел, чтобы о нем знали. Во-вторых, он был очень пуглив, и при малейшем подозрительном шорохе сразу же прятался, да так, что я ни разу не смогла его отыскать.

Именно Болдр научил меня восхитительной игре с разноцветными камешками. Я так и увидела его впервые возле своей карсикко: он сидел на мшистом камне, разложив перед собой несколько разноцветных обработанных камней, и любовался ими. Сейчас я понимаю: он специально ожидал меня, потому что от всех других, как я уже говорила, сразу же прятался.

– Посмотри, Регина, – сказал он, завидев меня, – что я тебе принес!

– Я Регинлейв, – поправила я его. – А ты кто?

– Принц Болдр, к вашим услугам, маленькая госпожа.

– Я не маленькая!.. – возмутилась трехлетняя я.

– Именно поэтому я так и обращаюсь – госпожа. Хочешь, подарю тебе эти камни?

Забросив свои светлые косички за спину, я присела рядом, сразу же забыв свое возмущение. Камни мне необыкновенно понравились! Я взяла первый попавшийся мне в руки: серый, в красную крапинку, и, закрыв глаза, прижала его к груди.

Прямо на меня, потрясая мечами и копьями, мчались чу-

жеземцы на конях! Одеты они были в железные одежды и такие же шапки. Они что-то беззвучно кричали.

Я испуганно отбросила камень. Болдр бережно поднял его и укоризненно сказал:

– Разве ты не знаешь, что нельзя оскорблять камни, швыряя их?

– Я боюсь! Там злые железные дядьки!

– А ты возьми вот этот, – он подал мне обычный серый гольш.

Я взяла его, закрыла глаза. И увидела спокойную озерную гладь. Волны то набегали и перекатывались через меня, то отступали. Мне стало так спокойно и радостно, что я засмеялась.

– Мне пора, Регина, – сказал Болдр и поднялся.

– Я Регинлейв!

– Ты Регина, и я не ошибся в этом.

Потом он ещё появлялся несколько раз.

– Регина! – почему-то он всегда упорно называл меня Региной, а не Регинлейв, – посмотри-ка, что я тебе принёс!.. – Заговорщицки улыбаясь, он доставал из-за пазухи очередное маленькое чудо природы – камень. – Ну, что ты скажешь?..

Я прижимала камень к груди, закрывала глаза и видела необычайно интересные картинки. Камень показывал мне то, что видел на своем веку. Это были и битвы древних воинов, и свирепые бури, и поединки зверей... Болдр нетерпеливо дергал меня за рукав:

– Ну?.. Говори же!

А потом с огромным интересом выслушивал мой рассказ. Я поначалу удивлялась, почему никто не видит этих картинок. Потом поняла, что отчего-то камень показывает их только мне.

Иногда, тайком от родителей, ко мне пробирался Вейо. Болдр тогда мгновенно скрывался, а я продолжала играть камешками вместе с Вейо. Ему я тоже рассказывала все, что видела. Вейо ничего не видел, как ни старался, поэтому слушал мои рассказы, затаив дыхание.

Болдр перестал появляться, когда я стала выше его ростом.

Остальное время, исключая зиму, я проводила в лесу: собирала грибы и ягоды. Потом мама перебирала их, часть сушила, а часть уносила господину Стуре.

В тот день я собирала бруснику в дальнем лесу, довольно далеко от дома. Солнце припекало, тяжелая корзина оттягивала руки. Мне очень хотелось пить, но поблизости не было ручья. В его поисках я вышла на край леса, на широкий луг, и не ошиблась: там протекала небольшая речка; к ней я и поспешила.

Поставив корзину, я опустилась на колени, склонилась над водой и принялась пить, зачерпывая ее ладонями. Кто-то мягко ткнулся в мои ноги и жалобно пискнул. Я оглянулась и увидела маленького исхудавшего рысёнка. Он был один, его

матери не было заметно. Я взяла его на руки. Рысенок сначала дрожал, потом пригрелся у меня на руках и замурлыкал.

Надо сказать, я могла видеть различные мысленные картинки не только с камнями. Вот и сейчас передо мной как наяву разыгралась битва росوماхи и рыси. Увы, последней не повезло – сражение закончилось трапезой росوماхи.

– Бедненький ты мой котенок, – погладила я рысенка.

С найденышем на руках я поднялась и подхватила корзину с ягодами. Нести и то и другое было нелегко. Пыхтя, глядя вниз, я упрямо тащила все это домой, пока не уткнулась в кого-то, стоящего на пути: передо мной стояли ноги в серых штанах и в каньгах с загнутыми носами.

Я подняла голову и увидела высокого мужчину в длинной суконной рубаше. У него было молодежливое лицо – без морщин, без усов и бороды, но голова – совершенно седая. Но самым примечательным была сидящая у него на плече птица! Я узнала – это был сокол-сапсан. Обычно он парит в вышине, высматривая добычу, либо камнем падает вниз. А вот так близко мне ещё не приходилось его видеть.

– Он голодный, – объяснила я незнакомцу, глядя рысенка. – Его маму съела росوماха. Я несу его домой, чтобы накормить.

Незнакомец кивнул головой и спросил:

– Как зовут тебя, дитя?

– Регинлейв, господин, – ответила я. – А рысенка я назову Урхо.

Он опять покивал головой.

– Хорошие у вас имена: Регинлейв – наследница богов, Урхо – герой. А меня зовут Торберг. Давай-ка лучше попросим моего друга накормить твоего питомца. Ты знаешь, кто это? – он легонько погладил птицу.

– Да, господин. Это валь – сокол.

Я протянула руку к птице. Сокол сделал широкий мах крыльями и уселся мне прямо на голову. Хотя у него и были очень острые когти, он не сжимал их. Рысенок зашипел, я мысленно пристыдила его: валь сейчас принесет тебе еду, а ты... Рысенок замолчал.

Торберг протянул руку, дождался, когда птица сядет ему на кисть, а затем поднял руку с сидящей на ней птицей над головой. После чего издал резкий возглас:

– Хэй!

Сокол взлетел, сделал над нами несколько кругов, потом поднялся ввысь. Мы с Торбергом любовались его легким полетом, а затем парением в воздухе. Но вот он высмотрел добычу, камнем полетел вниз и скрылся в траве неподалеку от нас.

– Идем, покормим твоего питомца свежим мясом, – сказал Торберг.

Мы пошли через луг – туда, куда свалился сокол. Торберг искоса взглянул на меня.

– Плакать не будешь?

– Отчего? – не поняла я.

– Ну как же... Зверушка какая-то погибла.

– Нет, господин, – ответила я, – сокол честно поймал свою добычу.

Такой ответ понравился Торбергу. Он погладил мою голову.

Мы подошли к соколу, который уже лакомился свежей зайчатиной. Рысенок у меня в руках отчаянно запищал, но Торберг не спешил забирать добычу у птицы. Только дождавшись, когда тот достаточно наклевался, он, наконец, взял сокола и посадил себе на плечо.

– Вот теперь пускай своего героя.

Рысенок только этого и ждал. Он принялся с жадностью есть свежую тушку. А я впервые задумалась: разве в звериной охоте нужно кого-то жалеть?

– Ну, мне пора, – сказал Торберг. – До встречи, дитя.

– А мы встретимся?

– Непременно.

Он повернулся, чтобы идти, как вдруг в этот момент раздался негромкий окрик:

– Регина!

Я узнала – это был голос Болдра! Как же давно я его не видела!

Торберг резко обернулся и испытующе вперил в меня взгляд. Я же, узнав голос своего друга, бросилась разыскивать его в траве, среди камней и мхов, но – увы... Торберг, пристально наблюдая за мной, спросил:

– Ты кого-то ищешь, Регинлейв?

– Наверное, мне почудилось, – ответила я, прекратив поиски.

– Да нет, – покачал головой мой новый знакомый, – не почудилось. Я ведь тоже слышал: кто-то позвал Регину.

– Так называл меня Болдр, – нехотя ответила я. – Это мой друг. Я уже давным-давно не видела его.

– Это похвально, что ты помнишь друзей, одобрил Торберг. – Но отчего ты ищешь его в траве, словно мышь?

– Болдр – мальчик, а вовсе не мышь! – заступилась я за своего давнего друга. – Просто он всегда так прятался, что я ни разу его не нашла. Как сквозь землю... – Я осеклась, и это не укрылось от внимательного взгляда Торберга.

– Я знал одного подземного жителя Болдра, может, это твой друг, – то ли подыграл, то ли взаправду сказал мне Торберг, и это сыграло ему на руку: вопреки обычной скрытности, я разоткровенничалась:

– Болдр приносил мне красивые камни, которые рассказывали мне всякие истории.

– О? – поднял брови Торберг. Немного подумал, затем поднял с близлежащего валуна небольшой белесый камень. – Интересно, а вот это может тебе что-то рассказать?

Я взяла камешек, прижала к себе и закрыла глаза, чтобы лучше видеть.

Ко мне неторопливо приближались чужеземцы на конях. Я их уже однажды видела. Одеты они были в железные одеж-

ды и такие же шапки, в руках мечи, на плечах луки, за спинами виднелись стрелы. Эти люди несли зло...

Я открыла глаза и сдвинула брови.

– Так что ты увидела? – настойчиво спросил Торберг.

– Это плохая картинка, – насупилась я. – Там были дядьки в железных одеждах. Они злые. Заберите свой камень.

Торберг взял его и задумался. Я переминалась с ноги на ногу.

– Мне пора идти, господин.

– Да, да, конечно...

Я повернулась, чтобы идти.

– Постой, дитя, – раздалось мне вслед.

Торберг достал из кожаного мешочка на поясе довольно скромное украшение – небольшой черный камень на серебряной цепочке и протянул мне. – Возьми, это теперь твоё.

– Что вы, господин! – отодвинула я его руку. – У меня никогда не было такой дорогой вещи!

– Поверь мне, дитя, это именно твоя вещь, – настойчиво ответил мне Торберг.

– Я Регинлейв, господин!

– Ты Регина, и когда-нибудь все о себе узнаешь. Возьми это.

Он чуть ли не силой вложил мне в руку подвеску. Мне пришлось её взять. По правде говоря, она мне очень понравилась. Я рассматривала подвеску, затем подняла глаза, но Торберга уже не было. Как он исчез так быстро – для меня

осталось загадкой. Мы даже не распрощались.

Я прижала к груди камень, подаренный мне Торбергом, и закрыла глаза, чтобы лучше рассмотреть картинку....

Такого я ещё не видела! Передо мной возник сверкающий узор из тончайших серебристых нитей. Он казался легким и воздушным, замысловатое переплетение было похоже на снежинки, запутавшиеся в паутине. И за этим узором я увидела чьи-то глаза, показавшиеся мне знакомыми. Кто-то пристально смотрел на меня сквозь узорную кисею.

Мне стало не по себе. В этот раз не я, а меня рассматривали! И не просто рассматривали: этот некто словно оценивал, пристально изучал меня, мою душу, прикидывал, каковы мои возможности и запас прочности. Затем я почувствовала, как в области груди и далее по всему телу разливается мягкое тепло...

Наступила темнота, тишина и безвременье.

Когда я пришла в себя, солнце обошло половину небесного круга. Я лежала в траве и смотрела на парящих в вышине птиц. Ветерок гнал по бирюзе неба белоснежные груды облаков. Очень сильно пахли травы.

Я села, посмотрела на зажатый в руке подарок Торберга. Что-то непонятное произошло со мной из-за этой вещи. Впрочем, долго думать об этом я не стала. Подняв корзину, я попыталась найти Урхо, но не тут-то было, рысенок убежал куда-то в лес. Так что я пошла домой одна.

Мама встретила меня на пороге.

– Регинлейв! Сколько можно тебя звать? – Она укоризненно качала головой. – Идем, покормлю. Потом поможешь мне перебирать ягоды.

Я послушно отправилась за ней, спрятав свою подвеску.

Перебирая ягоды, я все время возвращалась к вопросу: что за странную вещь подарил мне господин Торберг? И почему он утверждает, что эта подвеска – моя? Из-за этих мыслей я невнимательно перебирала ягоды, бросая в них мусор. Мама несколько раз делала мне замечания, потом прикрикнула:

– Да что с тобой сегодня такое? Словно злую гейду повстречала!

Я подняла голову.

– Гейду?.. А старик может быть гейдой?

– Какой старик? – удивилась мама.

– Ну такой... Молодой и высокий. Седой, но без бороды и усов. Его зовут Торберг.

Мама округлила глаза.

– Торберг?.. Ты видела самого Торберга?

– Да, а что?

– Что он тебе сказал?

– Сказал, что мы ещё встретимся. А что? А он кто?

Мама покачала головой.

– Торберг – великий и могущественный колдун – нойд. Надеюсь, ты не нагрубила ему?

– Нет. Он помог мне накормить рысенка...

Я рассказала о происшествии, но о подвеске почему-то промолчала.

– Не знаю, что и думать, – подвела итог мама, внимательно выслушав меня. – Не знаю, зачем он решил с тобой встретиться ещё раз. Вдруг великий нойд Торберг заметил, что ты таскаешь камни домой? – Мама не одобряла мои игры с камнями. – Смотри, не бери их! Камни – они живые, вот где лежат, там и пусть находятся...

Глава 2

Господин Стуре со своей семьей большей частью проживали в Иннааро, а в этих краях они находились обычно с наступления лета до осени. В их отсутствие за домом присматривали какие-то родственники, престарелая семейная пара.

Вейо, сын господина Стуре, был моим ровесником. Дома, в Иннааро, он занимался с гувернанткой разным наукам, поэтому знал множество бесполезных вещей. К примеру, длину какой-то там реки, или когда было какое-то сражение чужаков в их землях. Вейо никогда не хвастался этими знаниями, он сам признавался, что мои рассказы куда как интереснее и нужнее.

Я всегда чувствовала свое превосходство над ним, словно он был мне младшим братом. Вейо ничего не понимал в жизни зверей, леса, вел себя как несмышлениш, и мне приходилось все ему разъяснять. К примеру, то, что все вокруг нас живое: мхи, лишайники и трава – это кожа земли, деревья и кустарники – её волосы. Что даже в каждом камне есть его душа, которая привыкла жить в этом месте, а поэтому нельзя их брать или бросать.

– А сама-то таскаешь камни! – возражал мне поначалу Вейо.

– Я же сначала спрашиваю разрешения у Хозяина, – терпеливо объясняла я ему самые простые вещи.

– Какого ещё хозяина? – недоверчиво хмыкал мой собеседник. – Ты не говорила, что там кто-то был...

Приходилось разъяснять ему, что Хозяин есть у каждого камешка. И, прежде чем поднять его, нужно обязательно объяснить Хозяину, зачем тебе это нужно. После этого попросить разрешения и дожждаться его.

– И как он отвечает? – все так же, недоверчиво, спрашивал Вейо.

– По-разному. То птицей закричит, то шишку к ногам уронит, то загудит басисто, то резким порывом ветра обдаст.

– Птицы всегда кричат! А шишки белка роняет!

– Ничего ты не понимаешь. Птицы по-разному кричат. А белка шишку бросает, потому что ей так Хозяин велит.

В общем, все приходилось ему растолковывать. Вейо возражал скорее из мальчишеского упрямства. Больше всего он любил слушать мои рассказы о могущественных колдунах – нойдах и о Священных Силах нашей земли. И всякий раз просился со мной, чтобы я повела его посмотреть на сейды.

– Да нельзя беспокоить Священные места, – в сотый раз объясняла я. – Нельзя тревожить духов твоими громкими возгласами и шуточками.

– Я буду молчать, Регинлейв! Я только одним глазком посмотрю хоть на один сейд! Вдруг там настоящего колдуна увижу!

– Зачем тебе их видеть? Дух колдуна уходит в сейд и живет там. Ты же не видишь духа вот этого камешка? – указы-

вала я на какой-нибудь валун среди зарослей вереска.

– Но ты же ходишь к сейдам!

– Я не просто поглазеть хожу, а несу еду и угощение нашим предкам.

– И я понесу угощение!

– Тебя не пустят со мной, и еду не дадут.

– Я сам возьму!

– И будешь угощать Священные силы ворованной едой?..

Примерно такой разговор у нас случался всякий раз перед моим походом в Священные места. К счастью, родители Вейо никогда не отпускали его со мной.

В то утро я встретила Вейо неподалеку от их дома, когда шла в лес по грибы. Он, как обычно, принялся упрашивать, чтобы я взяла его с собой. Как я уже говорила, родители Вейо не одобряли его дружбы со мной. Чтобы отвязаться, я соврала ему: сказала, что буду ждать здесь, а сама, дождавшись, когда он помчится домой за разрешением, ушла. Я была совершенно спокойна, потому что родители Вейо никогда не отпускали его со мной в лес.

Грибов вокруг было много, но мне хотелось погулять в лесу подольше, поэтому я собирала исключительно лисички – рыжие и аккуратные. Попадались они редко, я углублялась в лес все дальше и дальше. Я набрала их полную корзину, потом принялась наблюдать за суетливыми жителями огромного муравейника. Это было невероятно интересно! В общем,

когда я вернулась домой, прошло уже достаточно времени.

Вот тогда и обнаружилось, что Вейо пропал! Оказывается, его родителей не было, а родственники разрешили ему пойти в лес. Видимо, он побежал следом за мной, рассчитывая догнать и, конечно же, заблудился. А чего ещё можно было ожидать от неопытного мальчишки?

Мама наказала мне взять собаку и немедленно отправляться на поиски. Бояться, что я могу сама заблудиться, ей и в голову не пришло, ведь я в этом лесу, почитай, выросла. Престарелые родственники Вейо были бы мне только в тягость, поэтому я, окликнув пса Танна, отправилась на поиски.

Танн поначалу взял след, но после начал плутать, отвлекаясь на звериные запахи. Надо сказать, что у нас была опытная собака Ула, которая хорошо брала след, но её отец взял с собой на охоту. А Танн был молод и еще недостаточно опытен. Да и я, в общем-то, не умела правильно вести его по следу. Поэтому, понадеявшись на Танна, я проплутала в лесу столько времени, что солнце пошло на второй круг. И только тогда я остановилась и стала рассуждать. Я ищу Вейо только в лесу и на лугах, а ведь он по неопытности вполне мог принять за луг болото!

Мне стало страшно за него. Я огляделась вокруг и прислушалась. Меня поразила давящая тишина. Не было слышно обычного щебета птиц, шума ветра. Казалось, что некто настороженно следил за каждым моим шагом. Я никогда

прежде такого не ощущала, и мне было не по себе, хотя и страха не было. Танн тоже притих и жался к моим ногам, и это тоже было странным, ведь он был молод, а молодые псы глупо храбры и задираются первыми.

Я закрыла глаза и «вгляделась»: где находится этот некто. Определила легко – вперед шагов на пятнадцать и чуть правее. Не раздумывая, я побежала туда.

Оказывается, это был сейд, один из многих – большой валун, поставленный с одной стороны на три ножки из камней поменьше. Теперь я поняла в чем дело: Танн завел меня в Священные места, куда ходить было запрещено! В другое время я бы повинулась перед Хозяином и поспешила уйти. Но сейчас я очень обрадовалась! Может, Священные силы решили мне помочь в поисках Вейо и поэтому привели сюда? Кто же не знает: обитающий в сейде дух нойда помогает тем, кто его уважает.

Я закрыла глаза и положила ладони на сейд. Не знаю почему, но слова мне показались излишними. Мгновенно перед мысленным взором появилась картинка Вейо, бегущего по звериной тропке. И так же, мгновенно, я увидела его в подлеске. Он сидел, обхватив руками колени, и в лице его был испуг.

«Где, где этот подлесок?» – мысленно закричала я. Я была взбудоражена, напряжена и нетерпелива. Сердце мое гулко стучало. Я с нетерпением ждала ответа, и он пришел: я вдруг почувствовала себя птицей, взлетающей над лесом все вы-

ше и выше. Это настолько поразило меня, что я открыла глаза и... Земля стремительно отдалялась вниз! Я стала соколом... Я парила в вышине, высматривая мальчишку в подлеске... Я не увидела его, но увидела рысь, подбирающуюся к кому-то. Это был Урхо, спасенный мной от голодной смерти! И я знала, к кому он подбирается!..

Я камнем ринулась вниз с высоты. Ветер свистел у меня в ушах. В мгновение я стала собой и заслонила Вейо.

– Нет, Урхо, нет! – выкрикнула я подростшему рысенку на каком-то, не известном мне самой, языке, – не трогай его, он мой друг!

Урхо в последний момент остановил прыжок. Он узнал меня! Но подходить не стал. Рыкнул, попятился и исчез в подлеске.

– Идём, Вейо, – я говорила все на том же, неизвестном языке.

Тот поднялся, не сводя с меня изумленных глаз. Я пошла вперед, не оглядываясь, уверенная в том, что он идет следом. Быстрым уверенным шагом я шла по звериным тропам, направляясь к сейду. Вот он уже показался среди травы и мхов... Но кто это там, возле него, стоит?..

От удивления вначале я остолбенела! Потому что у сейда стояла именно я, и никто другой!

Танн жался к моим ногам и радостно повизгивал... А Вейо шел к нам навстречу! Он приближался с круглыми глазами, раскрыв рот от изумления.

Внезапно я почувствовала себя взрослой и мудрой: Региной. . . Предупреждая возглас мальчика, я вскинула ладонь: Молчи!

Повернувшись к сейду, я положила ладони на теплый камень и горячо поблагодарила его дух за помощь. Вейо робко остановился возле меня. Видно было, что он порывается расспросить меня обо всем произошедшем, но я приказала ему молчать. Я просто чувствовала: надо так, а не иначе.

Мы направились в обратный путь. Танн радостно прыгал вокруг нас. Дорогу домой сейчас я находила чувством, а не разумом. Может поэтому она оказалась не столь длинной.

Мы вышли в то место, где Вейо упрашивал меня взять его с собой. Не останавливаясь, не прощаясь, я повернула к своему дому. Я видела, как Вейо ошеломленно смотрел мне вслед. Только когда я скрылась из виду, он повернул к своему дому.

Как я его видела? Не знаю. Тогда это было мне непонятно самой.

Я зашла в избу. Мама спросила:

– Ну, нашла сына господина Стуре?

– Да.

– Где же он был?

– Сидел в подлеске.

– А что так долго искала? – хмыкнула мама. – Играла, небось?

Я молча кивнула. Мне не терпелось остаться одной и по-

пытаться понять: что это было со мной? Но, оказавшись в укромном уголке, я мгновенно уснула.

Первое, что я увидела, когда открыла глаза – это был за- таенный страх в глазах матери.

– Регинлейв, – обратилась она ко мне по имени, хотя прежде всегда называла – дочь. – Это правда?..

– Что – правда?

Я поднялась с постели, отметив про себя, что не чувствов- вала, когда и кто меня сюда перенес.

– Вейо... – ответила мать. – Его родственники рассказа- ли... Вейо им говорил, что ты вдруг появилась из ниоткуда! Что он шел за тобой по лесу, а потом ты вдруг исчезла! А потом оказалось, что ты стоишь у сейда!

– Да, – коротко ответила я, глядя на нее прямо.

В тот миг я чувствовала: нечто взрослое во мне не ушло. Я поднялась и прошла мимо матери. Та опасливо отодвинулась в сторону. И я вдруг почувствовала себя здесь чужой. Чужой и взрослой.

Региней?..

Впоследствии так и случилось: иногда я становилась ею...

Глава 3

Лето в наших краях пролетало быстро. Наступившая осень являла собой череду ненастных дней, холодных, дождливых и ветреных. К счастью они быстро заканчивались, уступая, в свою очередь, место зиме. Не знаю, правда ли, но говорят, что где-то далеко есть тёплые края, где солнце летом не ходит по кругу, а каждый вечер прячется за горизонт. А ещё говорят, что там не бывает зимней ночи! Да что там – ночи, снегов не бывает! Мне не верится, что такое может быть. А если это правда, то мне жаль тех жителей. Как это – не видеть сияния ночного неба? Не чувствовать бодрящего мороза? Не видеть красоту снежинок на ладони?..

С наступлением зимних холодов, когда мороз сковывал реки, озера и болота, и можно было проехать на собачьей упряжке, к нам приезжали родственники: мой дядя – мамин брат – с одним из трех своих сыновей. Они жили в соседнем хуторе, расположенном в двух днях езды от нашего. Жена дяди умерла вскоре после рождения последнего сына.

Дядя с сыновьями занимались охотой, а также держали овец. Нам они привозили мясо и прочие припасы, а также шерсть, которую мы с мамой пряли, а потом вязали разные теплые вещи. Часть связанных вещей впоследствии забирал у нас дядя для своей семьи, а часть мы с мамой везли на

ярмарку в город. Кроме этого мы везли на ярмарку еще и шапки, сшитые из шкурок зверей, которые приносил отец.

Я очень любила эти поездки, а поэтому всегда старалась скорее закончить эту работу.

В ту зиму мы с мамой управились с вязанием очень быстро. Я сама себе удивлялась: спицы так и мелькали в моих руках.

– Взрослеешь, – так коротко объяснила мама мои успехи. – Скоро будешь помогать мне шить шапки и обувь: каньги и яры.

Мы с мамой нагрузили нарты вещами, хорошенько привязав их. Собаки радовались любой предстоящей поездке. Дожидаясь, пока их впрягут, они прыгали, затевали возню, радостно повизгивали и лаяли. Но, как только упряжка была пристегнута, они сразу становились сосредоточенными, и повизгивали – теперь от нетерпения.

– Хей! – воскликнула, наконец, мама, и собаки рванулись вперед.

Всю дорогу до города мы с мамой менялись поочередно: в то время как одна из нас стояла сзади, на полозьях нарт, вторая бежала рядом. Управлять собаками с нагруженными нартами было целым искусством: нам приходилось то и дело сдерживать резвость собак, тормозить на поворотах, а на подъемах мы соскакивали и обе бежали рядом с нартами.

Ярмарка для всех жителей Иннааро, и для нас, приезжих из дальних хуторов, была веселым зимним праздником. Лю-

ди наряжались в лучшие одежды, выбирали и примеряли красивые вещи, в которых становились ещё привлекательней, особенно девушки.

Пока мама торговала, я присматривала за собаками и за остальным товаром. А также, украдкой от мамы, играла своими камнями. Я всегда таскала их с собой, несмотря на строгий запрет матери.

В тот раз я поступила так же, как всегда: разложив на нартах разноцветные камешки, поочередно брала их в руки, прижимала к груди. Камни в ответ показывали мне разные картинки из своей жизни. Это занятие никогда не надоедало мне, потому что картинки никогда не повторялись.

Увлёкшись, я не сразу заметила старуху, которая остановилась неподалеку и уставилась на меня. Не знаю, долго ли так продолжалось, но, наконец, я почувствовала на себе чужой взгляд. Я подняла глаза и увидела незнакомую пожилую женщину. Она была самая обычная, морщинистая. Рядом с ней стояла мохнатая белая собака. Собака показалась мне странной: она улыбалась мне! Ещё странным было то, что другие собаки на неё не лаяли, словно не замечали.

Старуха подошла ближе.

– Вижу, тебе нравятся камни, – прокаркала она.

– Да, госпожа, – оробела я, зная, что нельзя уносить камни с места, где они лежали. – Но я всегда спрашивала у Хозяина, можно ли их взять с собой...

– Ну-ка, покажи. – Старуха принялась придирчиво рас-

смаатривать мои сокровища, особенно подвеску с черным камнем. – Ишь ты... А вот эти, обработанные, откуда? Нездешние ведь, верно? – она ткнула пальцами в камни, подаренные мне Болдром.

Я насупилась и молчала. Болдр не хотел, чтобы о нем знали. Старуха довольно ухмыльнулась.

– Молодец девчонка, не из болтливых... А почему ты не выбираешь для своих игр обкатанные камни, которых много на берегах?

– Мне нравятся вот такие, дикие, госпожа, – робко ответила я. – Они всегда показывают разные интересные картинки, а не только воду, как обкатанные.

– Показывают картинки?.. – старуха удивленно подняла брови, из-за чего на её лбу собралось множество морщин.

– Да, госпожа.

Старуха хмыкнула. Подумала немного, не сводя с меня глаз. Затем вытащила из мешочка, привязанного к своему поясу, небольшой светлый голыщ, с древними письменами на нём. У меня такой уже был, похожий.

– Вот, возьми себе.

Я робко взяла камень. Привычно прижала его к груди, закрыла глаза... И тут же почувствовала сильный толчок в грудь. Я покачала головой и протянула подарок обратно.

– Нет, госпожа. Я не могу его взять. Это Священный там-га-камень, и он сердится.

Старуха довольно заулыбалась.

– Все правильно, дитя. Это сердится дух моего отца, колдуна Илмари, нойда. Он ушел в этот камень. Знаешь, кто такие нойды?

– Да госпожа, – кивнула я. – Говорят, что они могут завязывать в узелки ветры и бури. И что могут насыпать и убирать болезни.

Старуха одобрительно покивала.

– Как тебя зовут, дитя? – ласково спросила она.

– Мое имя Регинлейв, госпожа.

– А я – Эрна. Из какого ты рода, Регинлейв? Кто твои родители? – Старуха спрашивала почему-то довольно настойчиво.

– А вон моя мама. – Я указала на нее. – Мы привезли на продажу много теплых вещей.

Старуха отошла к маме и о чем-то стала с ней разговаривать. Пока я отвлеклась, возле меня остановился мальчишка. Он был выше меня на целую голову, неопрятен и нагл.

– Эй, малявка! Где ты вот это стырила? – и он мгновенным движением сцапал мою подвеску!

– Отдай!.. – крикнула я.

– А во – видела? – он сунул мне по нос кукиш, соорил рожу и больно двинул кулаком в мой подбородок.

Я тут же бросилась на него с кулаками, но наши силы были неравные. Мальчишка стукнул меня ещё несколько раз с непонятной злобой. От последнего его удара я отлетела и сильно ударилась головой об нарты, у меня перед глазами

даже возникла белая пелена. Когда я поднялась, мальчишки уже не было.

Все произошло так быстро, что мама ничего не заметила, а жаловаться ей я не стала. Мне было обидно до слез! А самое обидное, что я так глупо лишилась подарка Торберга! Но что я теперь могла сделать?..

Вскоре весь наш товар был распродан. Мама купила кое-что из лакомств, а также вещи для хозяйства. Ещё она купила сукна для платьев и серебряных тонких украшений. После чего мы выехали обратно и без приключений добрались домой.

Это несправедливое событие настолько поразило меня, что я была подавленной все оставшееся время. Дома я, не раздеваясь, улеглась в постель, отвернулась к стенке, согнувшись калачиком, и забылась тяжелым сном.

Глава 4

Почти сразу же после этой поездки я заболела. Точнее, это была даже не болезнь, а какое-то странное состояние, полное безразличие ко всему происходящему. Я равнодушно взирала на родных, на Вейю, который приходил проведать меня. Мне хотелось, чтобы все оставили меня в покое, чтобы не приставали с расспросами и соболезнованиями. Это раздражало меня, потому что я не чувствовала себя больной. Просто – мне вдруг все стало безразлично.

Поначалу мать упрекала меня в лености, потом стала лечить отварами из мхов и игл ели. Напитки я пила, еда же потеряла для меня всякую привлекательность, я не чувствовала ее вкуса, ела совсем мало и только потому что так требовала мама.

Временами я оказывалась в каком-то странном месте. Здесь все было белесым и туманным. И ещё здесь находились люди-тени. Они сидели вкруговую и вроде бы переговаривались, но звуков не было слышно. Хотя я находилась в центре круга, никто не обращал на меня внимания, словно бы я была невидимой. Потом меня словно кто-то выдергивал обратно, и я опять оказывалась в своей постели.

А ещё иногда передо мной возникала тень страшной уродливой старухи, с пустыми глазницами и провалом-ртом. На меня тогда накатывал необъяснимый страх, я дико орала и

порывалась куда-то бежать. Чьи-то сильные руки удерживали меня, я чувствовала их, но не видела никого.

Сколько так продолжалось, не знаю.

Но однажды я услышала громкий голос, а затем надо мной склонилось лицо старой Эрны, той самой, которая подходила ко мне на ярмарке. Она пристально вглядывалась в меня. Мама стояла рядом и усталым голосом говорила:

– Не знаю, что с дочкой, госпожа нойда... Угасает...

– Выйди! – каркнула ей старуха.

Почему-то именно Эрна вдруг заинтересовала меня. Вернее, то, что она стала делать. В её руках появилась странная штука – небольшое деревянное колесико на тетиве. Старуха, держа эту тетиву за концы, принялась то натягивать ее, то ослабевать. При этом она приближала колесико, вращающееся на тетиве, то к моей голове, то к животу, то к груди, и все время прислушивалась к его тихому жужжанию. А я при этом ощущала легкий освежающий ветерок.

– Здесь пусто, – сказала нойда, несколько раз задержав колесико над серединой моей груди. – Слышишь, как тихо поет шувва?.. А теперь послушай здесь и здесь, – она повторила свое действие над моей головой и животом.

Я прислушалась. Звук был разным: веселее над головой и животом, и глухим – над грудью.

– Ты здорова, но куда-то исчезла часть твоей души, – объяснила мне старуха, пряча шувву в маленький мешочек, привязанный к поясу. – Со мной поедешь. Шаманить буду, спра-

шивать духов о тебе. Вставай.

Она помогла мне встать, ловко надела на меня одежды и, поддерживая, повела из дома.

Качаясь от слабости, я вышла во двор, покрытый неглубоким снегом. Стоял небольшой морозец, но не было холодно. Мать находилась возле собачьей упряжки. Лицо её было заплаканным, усталым и измученным. Собаки же нетерпеливо повизгивали, лаяли и подпрыгивали, и только одна из них – пушистая белая – спокойно стояла в отдалении и улыбалась во всю свою собачью пасть. Впрочем, поймав мой взгляд, она тоже принялась прыгать вверх, на всех четырех лапах одновременно.

– Девчонку забираю к себе, – резко каркнула старуха. – Да не плачь, не то больное дитя у тебя родится!

– Какое дитя? – робко удивилась мать.

– Будет скоро у тебя ещё одно дитя. А теперь не мешай!

Эрна усадила меня в нарты и привязала, чтобы я не свалилась в пути.

– Не доедет она, – послышался тихий голос матери где-то сзади, – замерзнет в пути.

– Забудь про девчонку, я сказала! Другое дитя жди!

– Что ж... Она и так уходит...

Нойда повернула голову.

– Иди в дом!

После чего крикнула:

– Хэй!

Это послужило сигналом собакам. Они разом смолкли и мгновенно рванули с места. Будь я не привязанной, непременно вылетела бы из саней. Белая пушистая собака мчалась впереди, показывая дорогу. Эрна некоторое время резво бежала рядом со мной, потом запрыгнула сзади на полозья.

– Держись крепко! – резко каркнула она, – собачки у меня скорые!

Я разглядывала заснеженные ветви деревьев, сквозь которые тянулись заходящие солнечные лучи. Почему-то вспоминалось, как же это здорово: стукнуть легонько по стволу, и на тебя сразу посыплется снежный дождь...

Упряжка неслась по равнине, прикрытой неглубоким снегом, из-за чего меня постоянно подбрасывало на кочках. Величественное, дикое безмолвие снежной пустыни удерживало меня здесь, не давая нырнуть в прежнее безликое ничто. Снежная пыль, колючая от мороза, летела из-под собачьих лап прямо мне в лицо и невидимыми льдинками впивалась в кожу. В тишине я слышала только своё дыхание, свист ветра, хруст снега под полозьями саней да редкие переругивания собак.

Временами мы то пересекали плоские белоснежные озера, то мчались по руслу рек, скованных льдом. Изредка, когда упряжка неслась возле леса, я видела оленей. Тогда собаки заливисто и дружно лаяли.

Мороз стал усиливаться, ветер забирался под одежду.

Мне казалось, что в тело впивается множество крохотных игл, но я не мерзла, наоборот – это бодрило меня.

Наше путешествие закончилось уже в темноте. Упряжка остановилась под самым лесом, у небольшого временного жилища – куваксы. Старуха ловко распрягла собак, зашла в куваксу и сразу же вернулась обратно, кинув им вяленую рыбу – всем, кроме белой собаки. Быстро расправившись с едой, те улеглись прямо в снег. Белая же, видимо, есть не хотела и опять улыбалась во всю пасть.

Нойда подошла к нартам и отвязала меня.

– Иди за мной! – велела она, помогать же мне не стала.

Я с трудом поднялась и направилась вслед за ней. Мы зашли в куваксу. Хозяйка скинула верхние одежды, затем присела посередине, у очага, и принялась разводить огонь.

– Туда ступай! – указала она мне на широкую низкую скамью, покрытую оленьими шкурами. – Там ложись.

Я послушно выполнила приказ нойды, скинула верхнюю одежду и улеглась. Мне не приходилось прежде бывать в куваксе, поэтому я окинула взглядом нехитрую обстановку. Разгоревшийся огонь выхватывал из темноты подвешенный над ним казан и домашнюю утварь по углам. В дыре над очагом виднелся черный бархат неба с вкраплениями далеких звезд.

Хозяйка подошла ко мне и присела рядом.

– Прежде верну утерянное. Одна из твоих душ потерялась. От испуга, наверное. Или от сильного ушиба. Было та-

кое, верно?

Я кивнула головой.

– Вот я и говорю – испугалась душа, вылетела, а вернуться не может. Знаешь сколько у человека душ?

Я покачала головой.

– Так вот знай. У мужчин их пять – семь, у женщин четыре – шесть. Как и у медведя. Как рождается человек, так и из его тени рождается вторая часть души. Она путешествует во время сна.

Её рассказ заинтересовал меня.

– А остальные души?

– Остальными ведает сама Равдна, Священная Мать Земли. Она ткёт Узор Жизни для каждого из нас. Теперь помолчи, буду разыскивать твоего помощника в мире духов...

Она улеглась рядом и обняла меня. Я удивилась такому, хотя всегда очень любила лежать у мамы под бочком. От нойды, как и от мамы, веяло теплом и уютом...

Пушистая белая собака Эрны жизнерадостно прыгала одновременно на всех своих четырех лапах. Заметив мой взгляд, она улыбнулась во всю свою собачью пасть, сделала несколько прыжков по снегу и остановилась, оглядываясь, словно приглашая следовать за собой. Я пошла за ней по снежной пороше и очутилась в знакомом белесом и туманном месте. Оглядевшись, я увидела вокруг себя сидящих людей-теней. Но теперь до меня доносились обрывки фраз:

... Высокая... Там высокая... Я огляделась, но никакой высокой женщины не обнаружила. Откуда-то слышался монотонный голос Эрны, но вскоре он затих.

Начался снегопад. Странный... Большие снежинки не падали на землю, а каким-то образом зависали в воздухе, соединялись друг с другом – надо мной и вокруг. Люди-тени исчезли за этой белой пеленой.

Я с большим интересом рассматривала снежинки: никогда прежде мне не приходилось видеть такие. Тончайший ажур, филигранное мастерство природы... И ни одна из них не повторяла предыдущую. Сотканные воедино, они колыхались, словно это была невесомая накидка из тончайших нитей. Что-то напоминал мне этот узор...

Снежная накидка мягко опустилась на меня. Я ощутила ее легкое прикосновение. Но ни одна снежинка не растаяла, так и оставаясь какое-то время на моей коже и на одежде. Затем они стали словно впитываться, не оставляя никаких следов. Странно... Я даже потрогала пальцем – сухо.

Подняв глаза, я увидела за пеленой женщину. Она восседала на каменном престоле и смотрела на меня. Я узнала её глаза... Это их я видела в том камне, в подвеске Торберга, сквозь узор!..

Женщина поднялась. Она была высокой, очень высокой. И величественной...

– Равдна, – прошептала я, – Священная Мать Земли!..

А затем все опять затянула белая пелена.

Глава 5

Я сидела у давно потухшего огня. В куваксе было светло и тихо, Эрны не было видно. Странно... Почему я не в постели, а у очага?.. Почему я не помню, как очутилась здесь?..

– Госпожа Эрна! – крикнула я и прислушалась. Ничто не нарушило тишины, ни единый звук.

Я поднялась, подошла к двери и вышла наружу.

Передо мной расстилался нетронутый снег, искрящийся от яркого солнца. Не было никакого признака Эрны и её собак. Проваливаясь в снегу, я обошла вокруг куваксы в надежде обнаружить кого-либо, но моя затея не увенчалась успехом: нигде не было видно ни единого следа. Эрна куда-то уехала на своих собаках, видимо, давно, ещё до снегопада. Странно... И почему я ничего не слышала?..

Я решила разжечь огонь и приготовить еду. Не может же быть, чтобы Эрна меня бросила! Поэтому я вернулась в жилище и принялась за дело. Кремень я нашла возле кучки дров, лежащей у очага. Развести костер для меня не стоило труда – дело было привычное. Только дома у нас огонь всегда был в печке, а здесь – живой.

Я взяла котелок и, выйдя из куваксы ещё раз, набрала снега. Котелок я подвесила над огнем. Порывшись среди утвари, обнаружила кусочки вяленой оленины, ржаную муку и морошку. Всё это вполне годилось для супа, поэтому я по-

ложила все вместе в котелок. Затем уселась у очага и принялась смотреть в огонь.

Было в нем что-то завораживающее. Прежде я жила в избе. У нас была печь, где мама готовила еду, и где прятался огонь. А вот теперь я сижу рядом с ним, протяни руку – и вот он, теплый, ласковый...

Я стала играть с языками пламени, пытаюсь ухватить их хлопком ладоней, но огонь не давался мне в руки. Он то приседал вниз, к раскаленным поленьям, то взмывал вверх, обхватывая теплым огненным цветком мои руки с тыльных сторон. Я так увлеклась игрой, что совсем забыла и о еде, и о нойде. Только когда раздался удивленный возглас Эрны, я опомнилась и подскочила.

– Госпожа Эрна!

Хозяйка взяла ложку, помешала варево и, посмотрев на меня искоса, забормотала:

– Долго ждала, восемь дней. Вижу, дым идёт, возвращаться пора.

– Восемь дней?.. – изумилась я. – Как это – восемь дней?

– Да вот так, милая, – качнула головой нойда. – Вижу: глаза открыты, а спишь ты, ничего не слышишь: ни моего голоса, ни собачьего лая. Поняла я, что улетела и вторая часть твоей души, чтобы найти потерянное. Найдёт – значит вернёшься ты к жизни и станешь нойдой. Ну а если нет, значит не по тебе это испытание. Запрягла я собачек, да и уехала в старую вежу ожидать, что же будет дальше. Восемь дней

ждала. Вижу – дым идет...

С частями души мне было понятно. Но что за испытание, и зачем?.. Об этом я и спросила Эрну.

– Прежде чем стать нойдой, – объяснила она, – человек обязательно проходит испытание. Оно разное бывает: огнем, холодом, голодом. И еще очень часто – потерей части души, вот как у тебя. С огнем ты дружишь, холода не боишься. Пройшла ты все испытания, вернулась к жизни, значит, быть тебе нойдой.

– Нет, нет, госпожа Эрна, что вы, какая из меня нойда! – Я даже замахала руками. – Я ничего не умею, кроме как только по хозяйству помогать.

– Помогать по хозяйству это хорошо, мне давно нужна помощница. – Она пристально всматривалась в мое лицо. – А скажи-ка мне, дитя, кто тебе подарил те камни, помнишь?.. – Я молчала, тогда она продолжила, – так я тебе объясню: это был ульдр, подземный житель. Ульдры приходят к будущим нойдам, когда те ещё совсем маленькие. Вот так с тобой и случилось. Я еще на ярмарке, как только увидела камни ульдров, сразу поняла, что ты – будущая нойда.

Удивительно, как много было известно Эрне!

– А что, они какие-то особенные, эти камни? – спросила я.

– Обработаны не по-нашему, очень уж тщательно, не так, как волны и ветер их обкатывают.

– Не знаю, был ли это ульдр, – нехотя призналась я. – Он, действительно, говорил мне, что живет в подземном дворце

и является принцем. Только я никогда не видела, куда он исчезает. Я все время искала вход в его подземный дворец, но так и не нашла.

Нойда покачала головой.

– Священные Силы хранили тебя, дитя! Ульдры наложили страшное заклятие: тот, кто посмеет проникнуть без спроса в их жилища, немедленно превращается в кучку песка!

Я испуганно прижала руки к груди.

– А то, что ты не видела, куда исчезает ульдр – все очень просто: они легко превращаются в камень. Так что он все время был там и смотрел на твои поиски.

Я не знала, что сказать и растерянно молчала.

Сочтя разговор оконченным, Эрна достала с полки сушеную рыбу и протянула мне.

– Ступай, брось собакам. Каждой по две штуки. Потом возвращайся, будем есть твой суп.

Я быстро пересчитала рыбу.

– Но здесь не хватит на всех собак. У вас же их шесть.

– Шесть? – удивилась Эрна. – С каких это пор?

– Ну как же... Пять в упряжке, и одна всегда впереди.

– Впереди?..

– Ну да. Белая такая, лохматая. И все время улыбается. Я её еще на ярмарке заметила.

Нойда покачала головой.

– Подумать только... Выходит, ты своего духа-проводника с самого начала видела! А я-то решила помочь тебе отыс-

кать его.

Теперь уже растерялась я.

– Духа-проводника?.. Выходит, это не настоящая собака?

– Настоящая, даже не сомневайся! Только не видимая другими. Ступай же!

Я вышла во двор. Каждая собака была привязана к отдельному колышку. Я обошла их всех и бросила каждой собаке по две рыбины. Белой собаки в этот раз не было.

Я вернулась в жилище. Эрна хлопотала у очага. Она открыла крышку котла, и по куваксе распространился аппетитный запах. Хозяйка добавила в котел ещё немного ржаной муки и ягод морошки, проварила, а затем налила в миски этого супа, одну из которых сразу протянула мне.

– Ну-ка, дитя, поешь вот.

Запах еды дразнил ноздри. Не заставляя себя упрашивать, я взяла миску и принялась уплетать варево. Нойда одобрительно смотрела на меня. У меня на языке вертелось множество вопросов, и я решила, что самое время задать их хозяйке.

– А правду говорят, что вы, нойды, служите самой старухе Лоухи, хозяйке Похъёлы?

– А что ещё про нас говорят? – засмеялась Эрна.

– Что нойды могут развязать три волшебных узелка, чтобы вызвать ужасную бурю. И что могут увидеть, чем занимаются люди в других местах.

Эрна покивала головой.

– Ты сумеешь делать и это, и другие вещи, недоступные мне. Но запомни, – тут её голос приобрел силу и жесткость, – сила нойды слабеет, если будешь рассказывать о ней!

Я подняла испуганные глаза на хозяйку.

– Нет, нет, я не буду никому ничего рассказывать!

Нойда подобрела.

– Да я и сама заметила: не из болтливых ты, и это правильно. Вопросов меньше задавай, сама решай их. Вот так-то.

Она присела рядом со мной и тоже поела.

– Будешь жить здесь, – властно изрекла она. – Твой дух пока, как и ты – неразумное дитя, которому предстоит многому научиться.

– Чему? – слабо пискнула я.

– Ну, к примеру, как правильно странствовать.

– А зачем? Я и так умею. Я и в лесу никогда не терялась.

– Не про лес я говорю сейчас, дитя, а про странствия духа. У нойд есть свои правила. Как нельзя дитяти одному отправляться в путь в незнакомом месте, так нельзя нойде путешествовать без своего духа-помощника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.